

Специалист-лингвист как субъект правоприменительной деятельности

В. О. Кузнецов

*Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы имени профессора А. Р. Шляхова при Министерстве юстиции Российской Федерации
Большой Спасоглинищевский пер., 4, 101000, Москва, Россия. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

Статья посвящена специалисту-лингвисту, его процессуальному статусу в российском законодательстве. Рассмотрены функции специалиста-лингвиста в соответствии с процессуальным законодательством, обобщенные как оказание технической и научной (консультативной) помощи правоприменителю. Показана специфика такой помощи исходя из характера специальных знаний. Особое внимание уделяется вопросу о процессуальном статусе заключения специалиста, его отличии от заключения эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертология, судебная лингвистика, специалист-лингвист, заключение специалиста.

A Language specialist as a Subject of Law Enforcement

V. O. Kuznetsov

*Russian Federal Centre of Forensic Science named after A. R. Shlyakhov of the Ministry of Justice of the Russian Federation
4 Bolshoi Spasoglinischevsky Lane, 101000, Moscow, Russia. E-mail: v.kuznetsov@sudexpert.ru*

The article concentrates on a language specialist and their procedural status in the Russian legislation. The responsibilities of a language specialist are considered in accordance with the procedural legislation and stated as providing technical and scientific (advisory) assistance to a law enforcement officer. The specificity of such assistance is shown based on the nature of special knowledge. Special attention is paid to the issue of the procedural status of the expert's opinion, its difference from the expert's conclusion.

Key words: forensic expertology, forensic linguistics, language specialist, specialist opinion.

Помимо эксперта, в процессуальном законодательстве имеется одна процессуальная фигура, являющаяся носителем специальных знаний, – специалист. По мнению Е. Р. Россинской, учение о специалисте как субъекте правоприменительной деятельности является неотъемлемой составляющей предмета судебной экспертологии [Россинская 2015: 17]. Как подчеркивает в этой связи О. Г. Дьяконова, существенно расширяя этот раздел включением таких подразделов, как формы участия специалиста в судопроизводстве и иной юрисдикционной деятельности, форма и содержание заключения и консультации специалиста и др., «отсутствие этих положений в изучаемом предмете не позволит представить завершённую картину в исследовании макроинститута специальных знаний» [Дьяконова 2017: 159].

Соглашаясь с Е. Р. Россинской и О. Г. Дьяконовой, добавим, что и эксперт, и специалист в соответствии с процессуальным законом являются лицами, обладающими специальными знаниями, объем которых в целом не должен различаться, поскольку, учитывая процессуальные функции специалиста, он должен обладать в целом теми же специальными знаниями, что и эксперт, например, для постановки вопросов эксперту, разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК России).

Кроме того, часто эксперты судебно-экспертных учреждений выступают в роли специалистов. Как отмечают Э. А. Васильев и И. Г. Корнилова, «одно и то же лицо в зависимости от сложившейся ситуации в ходе расследования и/или судебного разбирательства может выполнять функции как специалиста, так и эксперта. Присвоение статуса (с соответствующими правами, обязанностями, ответственностью) зависит от потребностей в установлении истины, что ставит обладателя специальных знаний в зависимость от воли правоохранительных органов, но не лишает свободы и самостоятельности в приложении этих знаний. В сущности, говоря о специалисте и эксперте, научное

сообщество подразумевает “сведущих лиц”, акцентируя внимание на взаимосвязи разных форм использования специальных знаний: сведущее лицо – лицо, обладающее специальными познаниями, которое может выполнять в судопроизводстве функции специалиста или эксперта» [Васильев, Корнилова 2021: 53]. Об этом же в несколько ином аспекте пишет и Л. К. Бондаренко: «при исследовании процессуальных функций специалиста можно говорить о том, что и специалист, судя по разнообразию обязанностей (ст. 58 УПК России), должен быть экспертом, поскольку его участие в процессе (в случае назначения некоторых видов частных экспертиз, например, судебно-искусствоведческой экспертизы) даже более разнообразно, чем у судебного эксперта. Он должен обладать не менее глубокими специальными знаниями и профессиональным опытом, чем эксперт» [Бондаренко 2021: 68].

Прежде чем рассмотреть фигуру специалиста-лингвиста как субъекта правоприменительной деятельности, необходимо остановиться на вопросе процессуального статуса специалиста в законодательстве.

Наиболее полно статус специалиста, его права и обязанности представлены в ст. 58 УПК России: специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. В данном случае законодатель наделяет специалиста статусом носителя специальных знаний и описывает его функции, которые можно обобщить как оказание научной и технической помощи правоприменителю. То же самое в целом можно говорить и о статусе специалиста в других видах процесса, о чем свидетельствуют его процессуальные права и обязанности, регламентированные ст. 188 ГПК России, ст. 55.1 АПК России, ст. 25.8 КоАП России, ст. 50 КАС России.

В целом процессуальным законодательством предусматриваются схожие права и обязанности специалиста, которые, на наш взгляд, лаконично и точно обобщены О. Г. Дьяконовой в предложенном ею определении специалиста как процессуальной фигуры: «Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, не заинтересованное в исходе дела и привлекаемое в судопроизводство и иную юрисдикционную деятельность для оказания помощи лицу, ведущему процесс, с целью дачи консультаций, разъяснения, содействия в исследовании доказательств, оказания технической помощи и применении технических средств» [Дьяконова 2017: 160]. С этим определением следует согласиться, поскольку, действительно, деятельность специалиста можно определить как вспомогательную: «Иными словами, специалист осуществляет вспомогательную деятельность, основанную на разъяснении суду, сторонам вопросов, которые являются узкопрофессиональными и содержат сложные для понимания сведения о сущности отдельных обстоятельств дела и выводах, в том числе и представленных из заключения эксперта» [Основы судебной экспертологии 2023: 125-126]. Вышеизложенное в полной мере относится и к специалисту-лингвисту.

Как указывалось выше, функции специалиста можно обобщить как оказание технической и научной помощи правоприменителю. При этом характер технической помощи также определяется спецификой специальных знаний. Так, специалист-лингвист обладает специальными знаниями и навыками фиксации звучащей речи, воспроизведения аудио- и видеозаписей, на которых такая речь зафиксирована, а также знаниями в области программных средств обработки и анализа речевого сигнала, навыками работы с данными средствами, которыми правоприменитель не обладает.

Специалист-лингвист в силу имеющихся у него специальных лингвистических знаний может оказать содействие в отборе экспериментальных образцов голоса и звучащей речи, а также экспериментальных образцов письменной речи для проведения идентификационного исследования. В большинстве случаев такая помощь, оказываемая специалистом-лингвистом, оправдана, что обусловлено сложностями, определяемыми природой звучащей и письменной речи.

Зачастую для проведения идентификационного исследования по голосу и звучащей речи в качестве образцов предоставляется некачественный, малоинформативный и, как следствие, непригодный материал, например, чтение текста инкриминируемой обвиняемому статьи УК России. Привлечение специалиста-лингвиста позволит произвести отбор образцов голоса и звучащей речи более эффективно. Пригодным в данном случае образцом является спонтанный, неподготовленный рассказ фигуранта на свободную тему (например, о его семье, хобби, детстве и т. п.), а также чтение специально созданных фонетически представительных текстов (например, «Антонич», «Был тихий серый вечер», «Дом, в котором я живу...» и др.), которые позволяют «исследовать характер реализации и варьирования в речи носителей определенного языка значимых фонетических характеристик и сформировать полноценный речевой портрет говорящего» [Смирнова, Хитров 2013: 6].

То же самое можно сказать и о судебно-автороведческой идентификации, отбор образцов письменной речи для которой имеет свою специфику. Специалист-лингвист обладает знаниями, позволяющими отобрать пригодные образцы речи такого вида, а именно максимально сопоставимые с исследуемым текстом по стилю, жанру, тематике и другим параметрам.

Помощь, оказываемая специалистом-лингвистом в научном аспекте, отличается большим разнообразием, нежели помощь техническая. Данный вид содействия специалиста-лингвиста предполагает хорошее знание работы эксперта-лингвиста, а именно теоретических, методических и организационных основ судебных экспертиз, связанных с применением специальных лингвистических знаний.

Рассмотрение видов научной помощи начнем с процессуальной обязанности специалиста-лингвиста постановки вопросов эксперту (ст. 58 УПК России, ст. 188 ГПК России). Это предполагает наличие у специалиста-лингвиста знаний

о границах компетенции эксперта-лингвиста, современных возможностях судебной экспертизы конкретного рода (вида), а также о современном методическом обеспечении судебных экспертиз. Отсутствие у специалиста-лингвиста таких знаний влечет введение в заблуждение лицо (орган), назначающее экспертизу. Например, специалист, приглашенный в судебное заседание для постановки вопросов на разрешение эксперту по делу о защите чести и достоинства, рекомендует суду поставить вопрос «Содержатся ли в тексте порочащие сведения о гр. N?». Эксперт же по данному вопросу составляет сообщение о невозможности дать заключение, мотивировав это постановкой вопроса, выходящего за пределы специальных знаний.

В некоторых случаях для правильной постановки вопросов специалист-лингвист реализует предусмотренные процессуальным законодательством права, а именно право знакомиться с материалами дела (ст. 58 УПК России, ст. 55.1 АПК России, ст. 25.8 КоАП России, ст. 50 КАС России), задавать вопросы (ст. 58 УПК России, ст. 25.8 КоАП России), заявлять ходатайства о предоставлении дополнительных материалов (ст. 55.1 АПК России, ст. 50 КАС России). Большею частью это имеет место при назначении лингвистических и комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз, поскольку верная постановка вопросов в такого рода экспертизах может зависеть от множества факторов: категории дела, обстоятельств дела, особенностей коммуникативной ситуации, в которой был порожден или воспроизведен текст, ближнего и широкого контекста и др. Например, формулировки вопросов, ставящихся на разрешение эксперта-лингвиста, отличаются в зависимости от категории уголовного дела: по делам об оскорблении на разрешение эксперта рекомендуется постановка вопроса «Содержится ли в высказывании/тексте унижительная оценка гр. N?», по делам о клевете – «Содержится ли в высказывании/тексте негативная информация о гр. N, выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?». Верной постановкой вопроса специалист-лингвист окажет содействие с целью дальнейшей квалификации инкриминируемого деяния.

Помимо постановки вопросов на разрешение эксперта, специалист-лингвист может оказать содействие при назначении экспертизы посредством определения целесообразности назначения судебной экспертизы в следующих ситуациях:

- недостаточность или непригодность объекта для проведения экспертного исследования. Например, недостаточность объема подлежащей исследованию фонограммы для проведения идентификационного исследования, вследствие чего фонограмма является непригодной; отсутствие текста, явившегося информационным поводом для подлежащего исследованию текста комментария, в связи с чем объект является ограниченно пригодным для проведения судебной лингвистической экспертизы;

- отсутствие необходимости в применении специальных лингвистических знаний. Такая ситуация имеет место часто при назначении судебной лингвистической экспертизы – в ряде случаев смысл текста очевиден, понятен рядовому носителю русского языка, например в случаях, когда говорящие в разговоре обсуждают предметы речи прямо, не прибегая к средствам скрытой коммуникации. В таких случаях, на наш взгляд, достаточны пояснения специалиста-лингвиста;

- простые случаи применения специальных лингвистических знаний, не требующие проведения исследования. Например, сообщение справочной информации: толкований слов, содержащихся в лингвистических (толковых) словарях (например, «скамер», «ватник»).

Данные ситуации можно отнести к случаям эффективного участия специалиста-лингвиста. Как отмечает Л. К. Бондаренко, «при эффективном участии компетентного специалиста необходимость в судебной экспертизе может и вовсе отпасть» [Бондаренко 2021: 68].

Специалист-лингвист также может оказать содействие в определении рода (вида) назначаемой экспертизы. В данном случае специалист должен знать о тенденциях судебно-экспертной деятельности, в том числе идущих процессах дифференциации и интеграции специальных лингвистических знаний. Например, в настоящее время часто назначают судебные автороведческие экспертизы по делам, связанным с нарушением авторских и смежных прав, с целью решения вопроса о переработке текста. Специалист-лингвист может указать суду, что данная задача относится к судебной экспертизе объектов интеллектуальной собственности, что важно при выборе судебно-экспертного учреждения, поскольку не во всех учреждениях проводятся экспертизы этого рода.

Наряду со случаями назначения судебной экспертизы, специалист-лингвист может быть привлечен в ситуации оценки заключения эксперта, например для разъяснения сложных лингвистических терминов, использованных в заключении эксперта, для оценки научности примененной методики, т. е. большей частью при оценке достоверности заключения эксперта.

Описанные выше случаи научной помощи относятся к консультативной функции специалиста-лингвиста без проведения исследования, которая раскрывается в разных видах процессуального законодательства как обязанность отвечать на поставленные судом вопросы, давать в устной или письменной форме консультации и пояснения (ст. 188 ГПК России, ст. 50 КАС России), разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ст. 58 УПК России).

Для эффективности взаимодействия между правоприменителем и специалистом-лингвистом последний должен обладать не меньшим объемом специальных лингвистических знаний, нежели эксперт-лингвист. В связи с чем в качестве специалиста-лингвиста, на наш взгляд, следует привлекать не любое лицо, обладающее научными филологическими знаниями, а лишь лицо, обладающее специальными лингвистическими знаниями, т. е. знаниями в области судебной лингвистики.

Помимо описанных выше форм оказания специалистом научной, т. е. консультативной помощи, УПК России также предусмотрена особая форма – заключение специалиста, требующая особого рассмотрения в аспекте судебной

лингвистики.

Вопрос о разграничении заключения эксперта и заключения специалиста является дискуссионным, что обусловлено неоднозначным правовым определением, данным в ч. 3 ст. 80 УПК России: заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. Это, в свою очередь, определяется использованным в названии документа словом «заключение», а также словом «суждение» в самом определении этого документа, которые, по мнению ряда ученых, свидетельствуют о том, что заключение специалиста, наряду с заключением эксперта, предполагает проведение исследования. Показательной в этом отношении является позиция С. Б. Россинского и Н. С. Расуловой: «согласно ч. 3 ст. 80 УПК России заключение специалиста предполагает некое суждение, под которым в формальной логике обычно понимается достаточно абстрактная категория – мысль, короткий тезис, выраженный во взаимосвязи субъекта с предикатом ($S \rightarrow P$). Причем такие суждения сами по себе вряд ли способны оказать какое-либо влияние на решение дознавателя, следователя, суда, заставить их пересмотреть свою позицию о надежности какого-либо имеющегося доказательства, например, заключения эксперта, и о достаточности имеющейся совокупности доказательств для установления того или иного обстоятельства. К тому же употребляемый законодателем для наименования указанного доказательства термин “заключение” филологи обычно толкуют не как голословный тезис, а именно как выводной продукт, predetermined результатами аналитических операций» [Россинский, Расулова 2022: 17]. Авторы в результате делают следующий вывод: «Таким образом, невзирая на правовую неопределенность ч. 3 ст. 80 УПК России, заключение специалиста надлежит расценивать не иначе как результат исследования сведущим лицом материалов уголовного дела или иных объектов, направленного на формулирование письменного суждения по вопросам, подлежащим разрешению посредством использования специальных знаний» [Россинский, Расулова 2022: 17]. Такой же позиции, связанной с проведением специалистом исследования, придерживается ряд ученых (см., например [Темираев 2005; Семенов 2014; Жажицкий 2015; Толстухина, Устинова 2016]).

Вместе с тем в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» проводится разграничение заключения специалиста и заключения эксперта в соответствии с критерием проведения исследования: «Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле. Если же проведение исследования не требуется, то возможно привлечение к участию в судебном разбирательстве специалиста в порядке, предусмотренном частями 3 и 4 статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Такая же позиция представлена в комментарии к УПК России под общей редакцией В. М. Лебедева: «Заключение специалиста не может заменить заключение эксперта. Специалист, в отличие от эксперта, исследования не проводит и в письменном заключении излагает только свои суждения по поставленным перед ним вопросам, ответы на которые требуют специальных знаний. Его заключение хотя и содержит суждение по вопросам, имеющим значение для уголовного дела, но доказательственной силой, присущей заключению эксперта, не обладает. Суждения, содержащиеся в заключении специалиста, лишь способствуют правильному пониманию сторонами фактов и обстоятельств, имеющих значение для дела (уяснению их места и роли в совершенном преступлении), относительно которых ему были поставлены вопросы» [Комментарий к УПК России 2004: 188], а также в работах ряда ученых. Например, Е. Р. Россинская утверждает, что «в отличие от эксперта, специалист не проводит исследований материальных объектов. Заключение специалиста представляет собой письменную консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами (ч. 3 ст. 80 УПК)» [Россинская 2005: 14].

Мы также придерживаемся мнения о том, что заключение специалиста не предполагает проведения исследования, что объясняется следующим.

Во-первых, законодательство не предполагает существование параллельных доказательств по делу, имеющих разные названия. Как подчеркивает В. Ю. Стельмах, рассуждая по поводу разграничения заключения специалиста и заключения эксперта: «Думается, что в принципе недопустима ситуация, когда в уголовном судопроизводстве параллельно существует несколько видов доказательств, совпадающих и по содержанию, и по доказательственному значению, однако различающихся по процедуре получения» [Стельмах 2017: 82].

Во-вторых, как отмечают некоторые ученые, заключение специалиста представляет собой мнение, не предполагающее проведения исследования: «Исходящие от специалиста сведения в процессуальном значении не могут быть равнозначны экспертному заключению, поскольку являются мнением специалиста, основанном на его специальных познаниях, а не на проведенных им исследованиях. Использование относительно получаемых от специалиста сведений термина “заключение” не соответствует установившемуся в законе, теории и правоприменении пониманию этого источника доказательств, как исходящего от эксперта и основанного на результатах проведенного им исследования» [Байков 2011: 16]. А. Б. Соловьев предлагает в связи с этим использование термина «мнение специалиста» вместо «заключение специалиста» [Соловьев 2007: 96].

Указанная позиция в целом соответствует данным толковых словарей современного русского языка, в которых слово «суждение» толкуется как ‘мнение, заключение о чем-либо; взгляд на что-либо’. То есть «суждение», «мнение» и «заключение» представлены в современном русском языке как синонимы. Об этом также свидетельствует приведенный в словарях иллюстративный материал – примеры словоупотребления: «суждение об искусстве»,

«высказывать свое суждение», «самостоятельность суждений», «Каково ваше суждение по этому поводу?» и т. п. В приведенных примерах суждение представлено как мнение, субъективная оценка предметов, процессов, явлений, а не как знание, характерное для заключения эксперта.

В-третьих, содержание документа в процессуальном законе определяется процессуальными обязанностями носителя специальных знаний. Если процессуальной обязанностью эксперта является проведение исследования, то одной из обязанностей специалиста является оказание консультативной помощи, основанной на специальных знаниях. Соответственно, заключение эксперта предполагает проведение исследования, а заключение специалиста – дачу консультации, предоставление справочной информации.

Процессуальным законом не регламентирована форма заключения специалиста, в связи с чем, по мнению ряда ученых, в данном случае «вполне уместна аналогия с заключением эксперта. Оно должно содержать такие же сведения, за исключением данных об обстоятельствах, не присущих данному виду доказательств (о проведенных исследованиях, о лицах, присутствующих при них, и т. п.)» [Комментарий к законодательству о судебной экспертизе 2004: 117]. Содержание его также не регламентируется, использование слова «суждение», как отмечено выше, подчеркивает лишь отсутствие в заключении специалиста исследования. Как подчеркивают ученые-процессуалисты, «в заключении специалиста могут констатироваться факты справочного характера (например, технические данные о какой-то модели оружия или транспортного средства), содержаться общие сведения о каком-то факте (например, возможно ли возгорание какого-то вещества при определенных условиях), а также разъяснение иных вопросов, входящих в его компетенцию. Специалист может пользоваться нормативным и иным справочным материалом и ссылаться на него в заключении. Однако исследование конкретного объекта (отпечатков пальцев, образцов почерка и т. п.) недопустимо. При возникновении такой необходимости должна проводиться судебная экспертиза» [Комментарий к законодательству о судебной экспертизе 2004: 117].

Более обобщенно содержание заключения специалиста описывает Е. В. Иванова. По ее мнению, практическая деятельность специалиста осуществляется посредством:

- «– аналитической оценки возможности и механизма определенных событий, явлений, процессов, если эти события, процессы, явления – предмет профессиональной или научной деятельности специалиста;
- анализа сведущими лицами специальной литературы или нормативных документов, имеющих отношение к профессиональной или научной деятельности специалиста;
- анализа сведущими лицами процессуальных документов, имеющихся в материалах уголовного дела, если для их оценки требуется привлечение специальных знаний;
- анализа сведущими лицами источников информации, имеющихся в материалах уголовного дела, если для их исследования не требуется применения инструментальных методов» [Иванова 2010: 61].

Выделенные Е. В. Ивановой виды деятельности в определенной мере относятся и к практической деятельности специалиста-лингвиста, результаты которой отражаются в заключении специалиста. Так, специалист-лингвист с опорой на справочный, нормативный материал (лексикографические источники, грамматики, национальные стандарты и т. п.), а также на специальную (научную и методическую) литературу может ответить на вопросы, хотя и требующие применения специальных знаний, но не предполагающие проведения исследования:

- о значении слов в современном русском языке, а также их стилистических характеристиках;
- об особенностях типизированных коммуникативных ситуаций;
- об условиях речепорождения в конкретной ситуации (например, в случае маскировки голоса и звучащей речи) и ее развития в онтогенезе (например, какие особенности речи характерны для того или иного возраста);
- о критериях пригодности для проведения исследования того или иного речевого материала (например, письменной речи для проведения идентификационного автороведческого исследования);
- о характеристиках речи представителей той или иной социальной группы (например, мужской или женской речи);
- о характерных признаках того или иного речевого акта (например, угрозы, призыва, оскорбления) и др.

Как показывает анализ заключений специалистов-лингвистов, прежде всего работников негосударственных судебно-экспертных организаций и частнопрактикующих экспертов, зачастую, помимо приведенных и подобных вопросов, в них решаются вопросы, предполагающие проведение исследования. В таких случаях документ лишь формально назван «заключение специалиста», содержательно же он является либо несудебной (т. н. альтернативной) экспертизой, либо рецензией на заключение эксперта, либо объединением рецензии и несудебной экспертизы, что недопустимо с точки зрения процессуального закона. Как справедливо отмечает в этой связи Ю. Ф. Байков, «в таких документах сотрудники “независимых экспертных организаций”, не проводя никаких исследований, оценивают истинность выводов эксперта. Некоторыми специалистами не только анализируются заключения экспертов государственных судебно-экспертных учреждений, но и проводятся научно-технические исследования, результаты которых оформляются в форме заключения специалиста. При этом игнорируется тот факт, что с точки зрения закона, рассматриваемая форма использования специальных знаний не может быть представлена в форме заключения специалиста и расценена как соответствующий источник доказательств, поскольку представляет собой несудебную экспертизу» [Байков 2011: 16].

Подобные «параллельные» технологии использования специальных знаний» [Россинский, Расулова 2022: 16] невластными участниками судопроизводства в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК России, на наш взгляд, противоречит процессуальному законодательству. Вместе с тем данная ситуация обусловлена, с одной стороны, неоднозначностью правового понимания заключения специалиста, с другой стороны, стремлением невластных участников усилить

состязательный аспект уголовного судопроизводства.

Представляется, что решением данной проблемы является совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего данную форму использования специальных знаний. Следует согласиться с Ю. Ф. Байковым, предлагающим в данном случае дополнить УПК России статьей «Заключение специалиста», «в которой предусмотреть порядок получения заключения специалиста, содержание заключения специалиста, требования к оформлению заключения специалиста, требования, предъявляемые к специалисту, а также указать случаи, когда использование специальных знаний в форме заключения специалиста недопустимо» [Байков 2011: 19].

Литература

- Байков Ю. Ф. Заключение и показания специалиста как источник доказательств в российском уголовном процессе / Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 10.
- Бондаренко Л. К. Основные признаки двойственности положения специалиста в уголовном судопроизводстве / Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 10.
- Васильев Э. А., Корнилова И. Г. Легитимные формы использования специальных знаний специалиста / Научный портал МВД России. – 2021. – № 4 (56).
- Дьяконова О. Г. Теоретические основы судебной экспертологии: монография. М., 2017.
- Зажичкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК России. СПб., 2015.
- Иванова Е. В. Использование заключения специалиста в доказывании по уголовным делам / Законность. – 2010. – № 9.
- Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство / Отв. ред. д.ю.н., проф. В. Ф. Орлова. М., 2004.
- Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 2-е изд. М., 2004.
- Основы судебной экспертологии: учебно-методическое пособие. М., 2023.
- Россинская Е. Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности / Теория и практика судебной экспертизы. – 2015. – № 4 (40).
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005.
- Россинский С. Б., Расулова Н. С. Заключение эксперта и заключение специалиста как средства доказывания в уголовном судопроизводстве: каковы критерии их разграничения? / Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2.
- Семенов Е. А. Заключение специалиста в системе видов доказательств в уголовном процессе / Наука и практика. – 2014. – № 1 (58).
- Смирнова Н. С., Хитров М. В. Фонетически представительный текст для фундаментальных и прикладных исследований русской речи / Известия высших учебных заведений. Приборостроение. – 2013. – Т. 56. – № 2.
- Соловьев А. Б. Использование специальных познаний при доказывании по УПК России / Уголовное право. – 2007. – № 2.
- Стельмах В. Ю. Заключение специалиста в уголовном судопроизводстве: правовая природа и перспективы использования в доказывании / Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 4.
- Темираев О. П. Компетенция специалиста / Законность. – 2005. – № 6.
- Толстухина Т. В., Устинова И. В. Соотношение понятий и статуса «заключение эксперта» и «заключение специалиста» / Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 4.

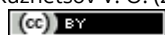
References

- Baikov, Yu. F. (2011). Conclusion and expert testimony as a source of evidence in the russian criminal process. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 10, 13–20 (In Russian).
- Bondarenko, L. K. (2021). The main signs of the duality of the specialist position in criminal proceedings. Lex russica, 74 (10), 59–74 (In Russian).
- Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (2004). V. M. Lebedev (ed.). Moscow (In Russian).
- Commentary on the legislation on forensic examination. Criminal, civil, arbitration proceedings (2004). V. F. Orlova (ed.). Moscow (In Russian).
- D'yakonova, O. G. (2017). Theoretical foundations of forensic expertology: monograph. Moscow (In Russian).
- Fundamentals of forensic expertology: Educational and Methodological Guide (2023). Moscow (In Russian).
- Ivanova, E. V. (2010). The use of a specialist's opinion in proving criminal cases. Legality, 9, 57–62 (In Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2005). Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow (In Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2015). Modern judicial expertology – the science of forensics and forensic activities. Theory and Practice of Forensic Science, 4 (40), 10–18 (In Russian).

- Rossinskiy, S. B., Rasulova, N. S. (2022). Expert opinion and professional opinion as evidence in the criminal procedure: What are the distribution criteria? Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2, 15–20 (In Russian).
- Semenov, E. A. (2014). Conclusion of a specialist in the system of types of evidence in criminal proceedings. Science and practice, 1 (58), 116–119 (In Russian).
- Smirnova, N. S., Khitrov, M. V. (2013). A phonetically representative text for fundamental and applied research of Russian speech. Izvestia of Higher Educational Institutions. Instrumentation, 56 (2), 5–10 (In Russian).
- Solovyov, A. B. (2007). The use of special knowledge in proving the Criminal Procedure Code of Russia. Criminal law, 2, 95–99 (In Russian).
- Stel'makh, V. Yu. (2017). Conclusion of a specialist in criminal proceedings: the legal nature and prospects of the use in proving. Electronic supplement to the Russian juridical journal, 4, 77–92 (In Russian).
- Temiraev, O. P. (2005). Competence of a specialist. Legality, 6, 39–40 (In Russian).
- Tolstukhina, T. V., Ustinova, I. V. (2016). Correlation of concepts and status of "expert opinion" and "specialist opinion". Bulletin of Economic Security, 4, 104–108 (In Russian).
- Vasil'yev, E. A., Kornilova, I. G. (2021). Legitimate forms of using specialist expertise. Scientific portal of the Russia Ministry of the Interior, 4 (56), 50–55 (In Russian).
- Zazhitsky, V. I. (2015). Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of Russia. St. Petersburg (In Russian).
-

Citation:

Кузнецов В. О. Специалист-лингвист как субъект правоприменительной деятельности // Юрислингвистика. – 2024. – 34. – С. 90-96.
Kuznetsov V. O. (2024) A Language specialist as a Subject of Law Enforcement. Legal Linguistics, 34, 90-96.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
